

Молчащее небо Антон Чехова

Чем «неверующий» писатель интересен христианину?

Как Антону Павловичу Чехову, который не раз говорил о том, что он «давно растерял всю веру», удавалось создавать произведения, созвучные духу и смыслу христианства? Почему и сегодня его книги остаются для верующих не просто памятниками классической литературы, но важными собеседниками, задающими острые и глубокие вопросы о жизни и Боге? Об этом мы говорим с доктором филологических наук, заведующим кафедрой истории русской литературы филологического факультета МГУ, председателем Чеховской комиссии Совета по истории мировой культуры РАН Владимиром Борисовичем Катаевым.

*На берегу моря.
Владимир Орловский. 1874.
Репродукция предоставлена
издательством «Белый город»*

The hour is rapidly passing and we must hurry
to the beach before the tide comes in
The dog is sitting on the sand
The man is looking at the city
The water is dark blue
The sky is full of clouds
The city is in the distance
The masts are visible
The waves are white
The shore is dark
The pool is on the left

Чехов: быт или бытие?

— Как Чехов относился к религии, менялось ли это отношение на протяжении его жизни, и если да, то как?

— Оно менялось, потому что менялся сам Чехов как человек. Впрочем, кое-что оставалось постоянным и неизменным. По письмам Чехова и его разговорам с современниками видно, что он на протяжении всей жизни неоднократно твердил об отсутствии у себя веры. Из раннего письма: «Легко любить Бога, сомневаться в котором не хватает мозга». В 1892 году он пишет: «Религии у меня теперь нет». В 1900 году: «Я человек не верующий». В 1903 году то же самое: «Я давно растерял свою веру». Также об этом в мемуарах говорят люди, которые знали Чехова.

Итак, он говорил об этом постоянно, но на самом деле все не так просто. Здесь очень важны детали и нюансы.

— Я обратил внимание на слова «теперь у меня нет веры». Значит, раньше она все же была?

— Чехов воспитывался в религиозной семье. Отец его, Павел Егорович, был человеком твердых религиозных убеждений. При воспитании своих детей он добивался того, чтобы те строго следовали церковным обрядам и правилам. Он сам руководил церковным хором и детей привлекал к пению в церковном хоре в Таганроге.

Вспоминая годы детства, Чехов говорил, что когда он пел с братьями в храме, то присутствующие умилялись и видели в них

Писатель изучает, как разные люди претендуют на знание настоящей правды. Но у него оказывается, что ее никто не знает.

ангелов. Они же сами чувствовали себя глубоко несчастными. Дело в том, что религиозность их отца сочеталась с авторитарностью и физическими наказаниями детей. Чехов позже говорил, что в таком религиозном воспитании всегда есть ширмочка: перед этой ширмочкой все кажется благообразным, а за ней — розги, наказания и так далее. Авторитарность, насильственное внедрение религиозности оставили у него тяжелые воспоминания и впечатления.

Но при этом с самого раннего детства Чехов все равно воспитывался в лоне православной культуры. Он прекрасно знал главные церковные обряды, и это отразилось во многих его произведениях. Несомненна его любовь к красоте церковной фразы, виртуозное знание библеизмов и использование их в произведениях, любовь к колокольному звону. Брат его вспоминает, что не было ни одной Пасхи, чтобы Чехов праздничную ночь провел дома: он обязательно шел слушать колокольный звон. Бывал и на самих пасхальных службах.

Когда он поселился в Мелихове, а это была довольно бедная деревушка, то жил там с родителями. Они, конечно, не просто ходили в местную церковь. Они у себя дома устра-

ивали богослужения, и именно Чехов часто был инициатором этих богослужений с участием мужиков, жителей деревни. Так что можно уверенно сказать, что как минимум к обрядовой стороне Церкви Чехов сохранил интерес, он ее любил и хорошо знал. Я бы сказал, что в целом для Чехова характерно своего рода стилистическое согласие с христианством.

— А как Чехова воспринимали его религиозные современники или исследователи его творчества?

— Многие из поверхностно знавших Чехова считали, что его творчество лишено глубочайшего содержания, которое есть у Толстого, Достоевского. «Быт без бытия» — так Зинаида Гиппиус говорила о творчестве Чехова. То есть Чехов прекрасно изображает земное, но бытийное ему не доступно.

Или Солженицын заметил в разговоре с Варламом Шаламовым, что у Чехова нет устремления ввысь, поэтому он и не написал значительных, больших романов. Между прочим, Варлам Шаламов спорил с Солженицыным и говорил в ответ, что были же такие романисты, как Боборыкин или Шеллер-Михайлов — они писали толстые романы без всякого устремления ввысь.

Однако, несмотря на то, что многие глубоко верующие люди видели в Чехове чужого, в то же время многие столь же искренне верующие люди видели в нем христианина, находили у него недекларируемое христианство. Это отец Сергей Булгаков, Сергей Дурылин или Борис Зайцев, который в книге о Чехове дал свой портрет писателя. Показательно, что Борис Зайцев, писатель глубоко верующий, все-таки ощущал родство с Чеховым. С Чеховым, который не раз говорил о своем безверии.

Звучит как парадокс, но это так. Эти исследователи считали, что миропонимание писателя и его дела адекватны реальному воплощению христианских идеалов.

Никто не знает настоящей правды?

— А как Чехов, например, относился к религиозным поискам Толстого, а также к религиозным взглядам Достоевского?

— У Достоевского через все романы проходит вопрос: ты веришь в Бога или нет? И в зависимости от этого он выносит оценки своим героям. У Толстого вопрос ставится иначе: Бог есть, но как Его понимать? Кто или что есть Бог? Для Толстого это некое универсальное и безличное начало любви. С ним спорил известный мыслитель Константин Леонтьев: вера, по Леонтьеву, начинается не с любви, а со страха Божия.

Чехов же так вопрос не ставит. Он просто показывает в своих произведениях верующих и неверующих людей. Для него важно, каковы люди сами по себе. Возьмите повесть «Дуэль». Там дьякон и зоолог разговаривают между собой. Дьякон спрашивает: «Вы в Бога веруете? Вы же в Христа не веруете». Зоолог отвечает: нет, верую, но только не так как вы,

не по-вашему. Чехов описывает разные виды религиозности. Он занимается изучением того, как по-разному веруют люди.

И у него в то же время есть понятие «настоящая правда». Повесть «Дуэль» заканчивается тем, что два противника соглашаются: никто не знает настоящей правды. А «настоящая правда» в мире Чехова — это синоним понятия Бог. Так вот, по Чехову никто не знает настоящей правды. Можно сказать, что писатель всем своим творчеством изучает, как разные люди претендуют на знание настоящей правды. Но у него оказывается, что ее никто не знает.

Понятие настоящей правды у Чехова важно не только для его «Дуэли». Возьмите повесть «Три года». Там представлена история любви, семейных взаимоотношений Лаптева и его жены. Жена Юлия очень религиозна, в отличие от мужа. Когда она была его невестой, ее религиозность ему нравилась, казалось трогательной. Однако позже определенность ее взглядов и убеждений стала представляться мужу преградой, из-за которой тоже не видно настоящей правды.

Перед самой смертью у Чехова была переписка по этому поводу. Тогда среди интеллигенции было время интенсивных религиозных исканий, создавались разные религиозные общества. Чехова тоже пытались уговорить принять в этом участие, но он отказался. Он сказал, что русская интеллигенция на самом деле все дальше и дальше уходит от Бога, а все тогдашние религиозные собрания — это чисто внешнее. И, добавляя он, предстоит еще громадная работа, может быть на десятки тысяч лет, чтобы человечество узнало истинного, настоящего Бога. Узнало эту истину так же, как знает, что дважды два четыре.

Итак, видно, что Чехов всю жизнь, как и Достоевский, и Толстой, был решал проблемы веры, неверия, настоящей и ненастоящей веры, но те формы религиозности, с которыми он имел дело в своем окружении, казались ему незнанием настоящей правды.

— Чехов обсуждал это когда-нибудь с Достоевским или Толстым?

— Однажды, когда у Чехова горлом пошла кровь и он лежал в клинике на Девичьем Поле, Толстой пришел навестить его. Толстой начал говорить о своем понимании божества, а Чехов потом рассказал, что понимание Бога как безличного начала, в котором растворено все живое, его тоже не удовлетворило. И он твердо, но спокойно возражал Толстому.

Самые знаменитые слова Чехова про веру: «Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский же человек знает какую-нибудь одну из двух этих крайностей, середина же между ними ему неинтересна, и он обыкновенно не знает ничего или очень мало». Эту запись он повторил дважды в записной книжке. Итак, Чехов пребывал в постоянном состоянии поиска настоящей правды. ➔

Но недостаточно остановиться на этой констатации. Нельзя представить Чехова как частицу, кружащуюся в броуновском движении между полюсами веры и атеизма. У Чехова были свои критерии соответствия или несоответствия настоящей правде.

Ведь дело писателя — не ответ на вопросы, а правильная постановка вопроса. Он верил в то, что есть настоящая правда, и показывал разные виды незнания настоящей правды. У Чехова были эти критерии, и сам он им постоянно следовал. И в большом, и в малом, без шумихи и рекламы он делал дела, соответствующие делам доброго самарянина.

— **А какие это были дела?**

— В Мелихове он видит грязных, грубых, нечистоплотных мужиков и устраивает там медицинский пункт. Он принимает больных и бесплатно лечит этих мужиков. Чехов построил три школы для крестьянских детей из своих не очень больших средств. Он добился, чтобы провели дорогу к деревне от железнодорожной станции.

— **Но был ли у Чехова какой-то позитивный идеал? Во что верил сам Чехов?**

— Он говорил, что не верия вообще нет, все во что-нибудь да верят. Но когда его старались привлечь к той или иной группе, литературной или общественной, он говорил: нет, для меня главное — это свобода. На первое место он ставил свободу и независимость, в том числе и свободу от страстей, свободу от несправедливости, нравственное и физическое здоровье. Все его идеалы были связаны с человеком земным. В каком смысле земным? Иногда под этим понимают что-то низменное, принижающее человека. У Чехова же это все, связанное с человеческим пребыванием здесь, на земле.

Возьмите, например, его знаменитый рассказ «Архиерей». Во многом ситуация главного героя этого рассказа близка самому Чехову. Человек из низов, который достиг высот, которых он вообще максимально мог достичь в своей жизни. Чехов и сам был слово архиерей в русской литературе. У архиерея в рассказе присутствует и благодарность за все то, чего он добился, и в то же время какая-то неудовлетворенность. Он думал о том, что достиг всего, что было доступно человеку в его положении. Но все же чего-то еще ему недоставало. Архиерею поэтому не хотелось умирать, все еще казалось, что нет у него чего-то самого важного, о чем смутно мечталось когда-то. Оказывается, что и вера, и сан — это еще не все. Что не хочется расставаться с надеждой, что в этой земной жизни архиерей Петр не получил всего того, на что он надеялся.

Тут дело не в том, что главный герой рассказа архиерей. Это чувство свойственно любому человеку. Тут нет раскаянья в земных делах, но присутствует некая неопределенная тоска. Солженицын в своей статье о Чехове говорил, что он совсем не показал архиерея в деле, там нет архиерейской

жизни. Но в том и была цель Чехова: увидеть в архиерее человека, не сан, не должность.

— **То есть Чехов вложил в этот образ очень много личного?**

— Конечно, Чехов не изображал реального архиерея, хотя известен прототип рассказа. Это владыка Михаил (Грибановский), архиепископ Крымский и Симферопольский. Однако Чехов писал в первую очередь о себе, о своей ситуации. Он вложил в художественный образ то, чем сам жил в последние годы своей жизни. Это и взаимоотношения с матерью, и чувство приближающейся смерти. Также то, что люди от него чего-то ждали, но не видели в нем обыкновенного страдающего человека.

Это ситуация, когда в архиерея видят прежде всего архиерейское, а не человеческое. Ведь даже мать в нем видит архиерея, владыку. Только когда он уже умирал, она вновь увидела в нем сына Павлушу. Так же было и у Чехова. Он все время был окружен людьми, но ему не с кем было поделиться своими размышлениями перед смертью.

Ведь чем заканчивается этот чеховский рассказ? Архиерей умер, и его очень скоро забыли. А его мать, бедная женщина, ходила на выгон скота и рассказывала, что у нее сын был архиерей, и ей не верили. То есть наступило людское забвение. И этого же Чехов ждал и по отношению к самому себе. Он говорил: меня будут читать лет семь, а потом забудут.

Тема ухода у Чехова вообще часто присутствует в его последних произведениях. «Вишневый сад», его последняя пьеса — ведь тоже об уходе в неизвестность. Молодые устремлены в будущее, хотят насадить новый сад, прекрасней этого. И вдруг в самом конце — «человека забыли», и звуки вырубаемого сада.

Или его последний рассказ «Невеста», который заканчивается вроде бы вполне бодрим финалом. Героиня уходит из родного дома: «Впереди ей рисовалась жизнь новая, широкая, просторная, и эта жизнь, еще неясная, полная тайн, увлекала и манила ее. Она пошла к себе наверх укладываться, а на другой день утром простилась со своими и, живая, веселая, покинула город — как полагала, навсегда».

Характерная Чеховская оговорка — «как полагала». Героиня так думает, но что будет на самом деле, неизвестно.

— **А как вообще в русской литературе того времени изображали русских архиереев, владык?**

— Часто с разоблачительным уклоном. Вскоре после чеховского «Архиерея» вышел рассказ писателя Константина Тренева (автора знаменитой революционной пьесы «Любовь Яровая») «Владыка». Там тоже изображен архиерей, но уже с критических позиций. А еще раньше Николай Лесков написал «Мелочи архиерейской жизни», прямо-таки обличительные по отношению к епископату. Они были поэтому запрещены церковной

Бедная женщина ходила на выгон скота и рассказывала, что у нее сын был архиерей, и ей не верили. И этого же Чехов ждал и по отношению к самому себе.

цензурой. А у Чехова совсем не было уклона в разоблачительство.

Возьмем для сравнения «Воскресение» Толстого. Он издевательски изображает в романе Литургию, демонстрирует свое абсолютное неприятие церковных обрядов, но у Толстого антиклерикальное, антицерковное в то же время явно связано с религиозным. Толстой говорит о том, как не следует служить Христу, и тут же показывает на то, как с его точки зрения следует служить. Чехов в отличие от Толстого изображает светлые чувства архиерея во время службы, но при этом он не говорит, как следует служить в церкви.

Хотя у Чехова есть и отрицательные образы священнослужителей. Он также говорил, что в Бога-то все верили, и Аракчеев верил, и Бирон. То есть вера по Чехову может сочетаться со злыми, греховными делами. Но это суждение у него не было обоснованием атеизма или неверия.

— Скажите, чем Чехов вообще может быть интересен для христианина? Что он может благодаря его произведениям увидеть и понять?

— Хотя Чехов и говорил о своем неверии, тем не менее его волновали те же проблемы

и вопросы, которые мучили Достоевского и Толстого.

Чехов, видимо, полагал, что по-настоящему Бога не дано знать никому: «Никто не знает настоящей правды». И вопрос веры для Чехова связан не со спокойным пребыванием в ней, а с ее постоянным и беспокойным поиском. Я думаю, что такое понимание веры, религии тоже может представлять для христианина определенный интерес.

Кроме того, Чехов обладал колоссальным художественным даром, мог выразить в слове самые разные состояния человеческой души. Разве не интересно поэтому верующему человеку посмотреть, как Чехов изображал того же архиерея? Между прочим, мне рассказывали, что чеховский «Архиерей» был любимым рассказом у патриарха Алексия Второго, а Бунин считал этот рассказ лучшим в мировой литературе.

Так что я думаю, что Чехов для христианина может быть интересен с разных точек зрения: и как гениальный художник и писатель, и как человек, который тоже размышлял над проблемами веры и неверия.

— А правда, что любимым рассказом Чехова был «Студент»?

— Да, правда. Он спрашивал, кстати, по этому поводу: почему меня считают пессимистом? Какой же я пессимист, если я такой рассказ написал?

«Студент» — это рассказ о том, как один молодой человек, студент духовной академии и сын дьячка, вдруг переходит из одного душевного состояния — мрачного

и унылого — в другое — светлое и хорошее. Произведение как бы делится на три части. Сначала студент возвращается вечером к себе домой, и по дороге его охватывает очень плохое, унылое настроение. Вокруг себя по пути он видит все в мрачном свете, ему ничего не нравится, ни в природе, ни в истории, потому что он думает: как все тут было уныло и некрасиво еще при Рюрике да Иване Грозном, так все здесь и останется — одна лютая бедность и голод. Но потом он встречает двух простых женщин, крестьянок, и пересказывает им историю о том, как апостол Петр в страшную ночь перед Распятием трижды отрекся от Христа. Студент находит такие слова, что женщины не просто принимают рассказанное к сведению, а начинают сильно переживать и плачут.

И в конце этого небольшого рассказа студент идет и думает о том, что, если женщины так тронула эта история про Петра и Христа, значит, все это живо, и все это было настоящим: «Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра». Значит, думает студент, между тем прошлым и сегодняшним настоящим до сих пор тянется непрерывная цепь событий, и он словно одновременно тронул за оба ее конца, когда рассказал женщинам эту историю.

Вообще определяющими для поэтики Чехова являются два понятия — правда и красота. Правда состоит в неприкрашенном отображении жизни, какой бы тяжелой

«Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра»

и мрачной она при этом ни была. Но Чехов все равно ищет, как и в таком мире себя вдруг проявляет красота: чистый белый снег на грязной земле, красота вдруг промелькнувшего женского лица, закат солнца летом на море и т. д. В рассказе показан тот несчастный случай, когда люди понимают друг друга по-настоящему. Понимают благодаря той непрерывной цепи, которая связывает времена, эпохи и людей. Чаще всего ведь люди не понимают друг друга. А тут — поняли. И это удивительно.

Чехов и политика

— Каково было отношение Чехова к русской интеллигенции того времени? Те же Достоевский или Толстой много ее критиковали.

— Здесь есть парадокс. С одной стороны, Чехов — эталон русской интеллигенции, он сам к ней принадлежал. Он был уездным врачом, и у него есть рассказы о сельских

учителях, врачах, где он с сочувствием их изображает. И в то же время никто не был так строг и непримирим к современной интеллигенции, как Чехов. Он говорил, что русская интеллигенция, вялая, неспособная к делам, ведущая самый неприглядный образ жизни, не вызывает у него ничего, кроме брезгливости.

Еще Чехову был крайне неприятен такой недостаток русской интеллигенции, который он называл партийностью. Русская интеллигенция в то время делилась на партии в литературе и общественной жизни, политические партии еще как таковые отсутствовали. Но Чехов говорил, что вся эта партийность, деление на наших и не наших — сухо и бездарно.

Непременная черта партийности — это уверенность в обладании настоящей правдой. Но очевидно, что настоящей правды в партийности нет.

Политические партии будут позже. Чехов в политику не углублялся, в отличие от Горького, который быстро выбрал себе политические ориентиры. Но это стремление к противопоставлению и абсолютизации своих взглядов, которое позже пышным цветом расцветет среди разных партий, Чехов предчувствовал, и оно казалось ему неприятным.

— Большевизм ему был бы неприятен и на психологическом уровне?

— Как и меньшевизм. Если бы Чехов прожил дольше, он показал бы неправду и той, и другой сторон.

— Как Вы думаете, как бы Чехов встретил революцию 1905 года?

— Трудно сказать. Между прочим, покойный Сергей Сергеевич Аверинцев говорил, что Чехов ошибся, когда сказал, что революции в России никогда не будет. Но Чехов это сказал в конце 80-х годов XIX века, когда он написал повесть «Степь». В стране тогда действительно была тишина, все гайки были закручены. И тогда действительно казалось, что революции никогда не будет.

Но зато поздние произведения Чехова скорее предвещают революцию. Тот же рассказ «Невеста», где девушка готовится стать революционеркой. И вишневый сад, символ России, прекрасной Родины, который гибнет. Все вносят свой вклад в его гибель: и те, кто его вроде бы оплакивает, и те, кто его вырубает, и те, кто говорит, что нечего жалеть, мы насадим новый сад. Чехов словно показал, что от всего подобного можно ждать только революции. Здесь он практически провидец. А как бы он встретил революцию 1905 года, трудно сказать. Когда, например, он узнал о начале Русско-японской войны, он хотел поехать на фронт в качестве врача.

— То есть он не желал поражения своей стране, как радикальная интеллигенция того времени?

— Если говорить об отношении Чехова к политическим радикалам, то, например, тот факт, что актриса Мария Ермолова считала себя социал-демократкой, у Чехова вызывал улыбку. Для него главным была не ее партийная самоидентификация, а ее талант, ее дарование.

Хотя Чехов ждал и желал конституции. Об этом сохранились свидетельства в мемуарах. Также, когда воцарился Николай Второй, Чехов подписал письмо об упразднении предварительной цензуры. Группа писателей и журналистов обратилась к царю с такой просьбой, и Чехов был в их числе. Письмо осталось без ответа, но вполне возможно, что с этого момента за ним был учрежден негласный надзор.

В целом Чехов придерживался скорее демократических взглядов, но от участия в политических акциях он всегда воздерживался. Это был редкий случай, когда он подписал политическое письмо. Другой похожий случай — отказ от звания почетного академика после того, как под давлением правительства Горького изгнали из Академии наук. Но эти два события — все же исключение. ♣

Беседовал **Юрий Пуцаев**

В коллаже фото www.logi.ru

.....реклама.....

ЮВЕЛИРНЫЕ МАСТЕРСКИЕ
 ювелирные мастерские
 илю-стольник
 пестель

предлагают широкий выбор изделий православной тематики из серебра 925 пробы с глубоким золочением и ручной доработкой деталей

тел.: (4822) 60-22-21
 факс: (4822) 35-42-82
 www.nilova-uv.ru